

БЕРЛИН, ГОРОД НАСЫЩЕННЫХ СТЕН. Резюме

Наталья Самутина, Оксана Запорожец

На протяжении последних двух десятилетий Берлин создал себе устойчивую репутацию европейской столицы во всем, что касается культуры «неофициальных» уличных изображений. Современное состояние визуальной среды Берлина с этой точки зрения мы в настоящем тексте обозначаем термином «насыщенность». Эту насыщенность производит одновременное присутствие в городе, взаимное наложение и переплетение самых разных практик и техник создания, условий производства и агентов-производителей «неофициальных» уличных изображений.

Наше исследование культуры уличных изображений в Берлине было закономерно связано с вопросом: на чем основана эта насыщенность, из чего она складывается и какие функции выполняет. Мы исходили из предположения, что изучение и понимание городского визуального языка, чтение разговоров, ведущихся на нем, наблюдение за количеством и составом их участников могут многое сказать исследователю о конкретном городе. Мы не просто изучали берлинские граффити и стрит-арт последних лет – мы взглянули на сам город, и в первую очередь на городскую коммуникацию через граффити и стрит-арт, сделав их инструментом исследования Берлина.

Основу этой статьи составляют материалы полевого исследования, проведенного авторами в Берлине в 2012–2014 годах. В исследовании использовалось сочетание разных методов, позволяющих «ухватить» сложность и многомерность уличных изображений, включая, в частности, не только пространственный, но и темпоральный фактор (возобновляемость изображений, наличие или отсутствие привязки к единичным событиям типа фестивалей, протестных акций и т.п.). Кроме продолжительного наблюдения и фотографической документации, мы использовали полуструктурированные интервью с ключевыми городскими коммуникативными посредниками – людьми, привлекающими внимание различных публик к граффити и стрит-арту, и с людьми, наблюдавшими развитие стрит-арта в Берлине на протяжении значительного времени. Этот материал был также дополнен исследованием тематических сайтов, материалов социальных сетей и других релевантных источников (видеозаписи в Youtube; DIY-фильмы, которые снимают о себе берлинские граффити-райтеры, фэнзины и малотиражные субкультурные журналы). Кроме всего прочего, аргументация исследования опирается на богатый фотографический материал, собранный нами на протяжении трех лет наблюдений.

Статья делится на четыре раздела. В первом разделе («Насыщенность») применение этого ключевого термина обосновывается через описание основных типов и техник неформальных изображений, присутствующих на стенах Берлина

(более всего в таких районах, как Митте, Пренцлауэрберг, Фридрихшайн, Кройцберг, Нойкельн и, в несколько меньшей степени, в других). Берлинский визуальный ландшафт одновременно составляют и большие символические изображения (*murals*) от международных звезд стрит-арта (таких, как Blu, Roa, Os Gemeos, Victor Ash), и множество менее масштабных стрит-арт-проектов самого разного объема (от одной работы до большой серии), стиля и характера, выполненные в разных техниках (краска, трафарет, бумажные наклейки, коллажи, стикеры, городская скульптура). Они заполняют городские стены десятками тысяч персонажей, картинок и надписей. По сведениям сотрудников проекта «Alternative Berlin», в 2013–2014 годах в Берлине одновременно работало не меньше 700 уличных художников. Одновременно Берлин остается городом богатой граффити-культуры – культуры неформальных сообществ, ориентированной в первую очередь на производство тэгов (подписей) как на поездах, так и на стенах домов. Некоторые техники берлинских граффити-райтеров довольно редки в мировой практике. К таковым относятся, например, письмо на городских брандмауэрах с помощью огнетушителя (райтер JUST) или надписи в стиле бразильских *pixação*, которые в Берлине популяризирует команда райтеров-альпинистов из Кройцберга Berlin Kidz. Наконец, еще один активный слой неформальных визуальных сообщений на берлинских стенах – это множественные мелкие росчерки маркерами и карандашами и прочие следы коммуникации, оставленные не художниками, а обычными жителями: политические лозунги и призывы, рисунки, юмористическая и любовная переписка, детские рисунки и т.п. Жители Берлина охотно разговаривают друг с другом посредством стен.

Все это привело к тому, что граффити-эстетика стала для современного Берлина не только постоянным фоном, но и заметным, часто встречающимся элементом дизайна. Шире всего она применяется «на низовом уровне»: в оформлении магазинчиков и кафе на первых этажах городских зданий, газетных киосков и фургончиков торговцев едой, стен хостелов, транспортных средств, в дизайне внутренних интерьеров кафе. Насыщенность визуального ландшафта Берлина граффити-изображениями в значительной мере – результат постепенного вrastания этой эстетики во вкусы жителей города, ее притягия. «Негласный общественный договор» в этом отношении успешно противостоит достаточно жесткому формальному законодательству и отражает сложившееся в городе отношение к граффити и стрит-арту как к элементу современной городской культуры, во многих случаях приносящему доход, становящемуся узнаваемым городским брендом, объектом туристического интереса.

Берлинская «насыщенность» составляет заметный контраст визуальной среде некоторых других городов, в которых баланс интересов разных групп горожан по отношению к неформальным уличным изображениям складывается иначе. В качестве контрастного примера в статье рассмотрена Москва, где, как и в любом мегаполисе, сегодня тоже существуют и активная граффити-среда, и стрит-арт. Однако функцию горизонтальной публичной коммуникации в городе эти практики пока не выполняют – город не насыщен изображениями, представляющими какие-либо другие, кроме коммерции и власти, «голоса». В значительной степени

«отчужденный» город с гиперсемиотизированным центром и политикой «заматания всех следов» (в центре Москвы регулярно уничтожаются все неформальные изображения, включая даже тэги на временных строительных поверхностях) не оставляет места для заметного проявления других взглядов на публичное пространство. Понимание задач стрит-арта у городских властей ограничивается исключительно его декоративной функцией.

В следующих трех разделах мы рассматриваем те культурные и исторические факторы в жизни Берлина, которые способствовали развитию культуры неформальных уличных изображений и ее включению в более широкие контексты публичной коммуникации в городе. В разделе «Подвижный город, говорящий город» рассматриваются специфические для Берлина факторы городского развития, требующие от исследователей этого города неизменных оговорок типа «...конечно, Пренцлауэрберг является примером джентрификации, но джентрификации особого типа» (Bernt and Holm 2005:121). Несмотря на то, что в «экзотизацию» Берлина вносят значительный вклад современные создатели городского бренда, образ города все же во многом складывался стихийно, снизу вверх, усилиями множества игроков и инфраструктур, а не только действиями городских властей. Берлин во многом был и остается городом «первопроходцев», охотников за новыми местами и новыми городскими опытами.

Среди множества обстоятельств и событий, способствующих визуальному насыщению города и принятию этой насыщенности его жителями, мы выделяем опыт самостоятельного распоряжения горожанами пространством города – масштабное перекраивание Берлина конца 1980-х – начала 1990-х годов, повлиявшее на культуру городской коммуникации и использования публичных пространств. В это время население города в очередной раз пришло в движение: одни уезжали из города, другие приезжали в него, третьи перебирались в новые районы. Ситуацию начала 1990-х годов исследователи описывают как третью (и наиболее мощную) волну сквоттинга в Берлине. Берлин 1990-х, по воспоминаниям очевидцев, – это своеобразный городской карнавал со всей присущей ему бесшабашностью и буйством жизни. Назначение мест изобреталось буквально на ходу и иногда сохранялось за ними на какое-то время, как это было с клубами, блошиными рынками, автомастерскими, пивными дворами, спортплощадками, речными пляжами, общественными огородами и т.п. Разница между публичными и приватными пространствами на время перестала быть важной, равно как перестали действовать и ранее привычные ограничения, исключающие из городского пользования «нефункциональные» пространства – крыши, заброшенные участки и многое другое.

Итогом этих экспериментов можно считать и нормализацию трансгрессии, то есть нарушения привычных границ и сценариев пользования городскими пространствами, и создание «продленного» городского пространства – пространства общего пользования, вне привычных границ и конвенций. Несмотря на то, что в сегодняшнем Берлине сквоты – скорее часть городской истории и городского воображения, предмет ностальгии и дискурса борьбы с джентрификацией, ряд элементов подобного трансгрессивного «коллективного существования» сохранился и сейчас в таких, например, районах, как Нойкельн, а многие возникшие в 1990-х –

начале 2000-х годов DIY-пространства (блошинные рынки, пляжи, общественные огороды) плотно вплетены в городскую повседневность. И память о 1990-х, и сегодняшнее использование этих мест закрепляют в представлении городских жителей убежденность в праве принимать участие в распоряжении городским пространством. Попытки закрытия подобных мест в последние годы встречают самый резкий отпор берлинцев, отвечающих на угрозы оперативной мобилизацией (протесты по поводу угроз закрытия музыкально-пляжной зоны YAAM (Young African Art Market)), организация городского референдума о судьбе бывшего аэропорта Темпельхоф и пр.).

Кроме того, визуальная насыщенность города поддерживается культурой интенсивной и равноправной городской коммуникации, разворачивающейся в общественном пространстве Берлина. Поверхности Берлина (стены, информационные постеры на щитах, баннерные выставки, столбы и тумбы, павильоны, переходы станций метро и многое другое) не только инструктируют прохожего, задавая ему направление движения с помощью дорожных знаков и названий улиц, но и говорят с ним на многие темы на множестве языков. Периодически различные группы городских жителей выходят со своим визуальным материалом, со своими лозунгами или предложениями, с художественными и театральными проектами в людные места и незамедлительно оказываются в зоне внимания и интереса других прохожих. Город фактически обсуждается в городе, и это оказывает значительное влияние в том числе на функции стрит-арта. В статье мы рассматриваем развернутые примеры «локально и коммуникативно чувствительного» стрит-арта в районе Кройцберг.

Раздел «История, эфемерность» посвящен особой роли Берлинской стены в городской культуре памяти и общей связи политики коммеморации в городе с развитием его стрит-арта. Решения, принимающиеся в Берлине по поводу исторического наследия, являются предметом обширных дискуссий, осмысления и активного творчества – как идеологического и интеллектуального, так и более прозаического, коммерческого плана. Результаты этих решений могут быть в каком-то смысле противоположны для культуры уличных изображений. На одном полюсе оказывается популярный туристический аттракцион «East Side Gallery»: фрагмент внешней конструкции Берлинской стены, расписанный в 1990 году разными художниками и частично отреставрированный по решению властей в 2009 году, когда большинство росписей пришло в негодность (в ходе этой реставрации была одновременно уничтожена галерея ярких граффити-работ на западной стороне стены). Отношение к этому «искусственному» объекту у современных участников берлинской граффити- и стрит-арт-сцены и у многих горожан предельно критическое, как удалось выяснить в ходе общения с информантами. На другом полюсе – такие важные для городской идентичности художественные проекты, как временная световая инсталляция «Стена света» из белых баллонов, наполненных гелием. Инсталляция была установлена на три дня, с 7 по 9 ноября 2014 года, на бывших участках Берлинской стены протяженностью 15 километров, в честь 25-летия падения стены. Сочетавшая в себе функции арт-объекта, временного мемориала и музея под открытым небом, инсталляция пользовалась у горожан огромной популярностью. Она в каком-то смысле

тоже стала площадкой для коммуникации – в полном соответствии с важными для этого города традициями.

И история Берлинской стены, и неразрывно связанная с ней история берлинских граффити-практик живы в памяти многих из тех, кто создает уличную визуальную культуру города сегодня. Эти фрагменты истории фиксируются в журнальной, книжной и видеопродукции, в работах фотографов-документалистов и документальном кино (так, например, документальный фильм «Не похожий на тебя» содержит немало ценных свидетельств становления граффити-культуры в Берлине и отражает рефлексию райтеров по поводу собственной истории), а в последнее время также в интернет-блогах и архивах. С берлинской историей работают сами уличные художники – в пример можно привести стрит-арт-проект художника JR «Морщинки города»: большие фотопортреты берлинских стариков наклеиваются на городские здания, чтобы потом разрушаться и стареть параллельно с ними в своем темпе, или напротив, составлять полный драматического смысла контраст с чистой отремонтированной стеной.

Берлинская стена продолжает занимать особое место в городском воображении, в том числе применительно к граффити и стрит-арту. Примерно с начала 1980-х годов стена стала для Западного Берлина не только разделительным барьером между двумя мирами, но и гигантской канвой для письма. Она превратилась в уникальный медиум коммуникации, вошедший в историю в этом особенном качестве – вместе с тысячами надписей и изображений, которые сегодня можно увидеть на продающихся в Берлине фотографиях и в красочных альбомах для туристов (см., например, Kuzdas 2009); вместе с возгласами протеста и детскими рисунками; вместе со всеми значимыми эпизодами своей художественной истории.

Память о практиках визуальной коммуникации, связанных с Берлинской стеной, продолжает проявляться в разных местах. Например, одна из стен в интерьере панорамного аттракциона художника Ядегара Асизи «Стена», представляющего зрителям вид на разделенный Берлин начала 1980-х годов, оформлена как Берлинская стена, но она сделана из бумаги. Каждому посетителю предлагается оставить на ней надпись, и этой возможностью посетители охотно пользуются. На граффити-фестивалях в городе и на тех мероприятиях, где участникам, взрослым или детям, предлагается рисовать на стенах, поверхность тоже нередко принимает именно форму Берлинской стены. Общее понимание культуры эфемерного, будь то временные изображения, временные монументы, строящиеся и развивающиеся объекты или череда сменяющих друг друга городских событий, очень хорошо развито у горожан, в силу особой истории этого города. Берлинская стена как канва для меняющихся изображений и как артефакт, стремительно исчезнувший, но продолжающий жить в городской памяти и воспроизводиться во множестве эфемерных форм, служит здесь одной из опорных точек.

Финальный раздел статьи («Посредники») посвящен тем, кто дополняет и поддерживает визуальную насыщенность Берлина своеобразным культурным переводом. Это энтузиасты, группы и организации, своими действиями привлекающие внимание различных публик к граффити и стрит-арту и другим городским

творческим действиям, превращающие их в значимую тему обсуждения, способствующие пониманию и осмысленному взаимодействию всех заинтересованных сторон. Среди этих коммуникативных посредников, например, компания экскурсий «Альтернативный Берлин», «Архив молодежных культур», журнал и фестиваль стрит-арта «BackJumps». У этих посреднических инициатив различные создатели, источники финансирования (варьирующиеся от самостоятельно определяемого участниками экскурсии вознаграждения до государственной грантовой поддержки), способы организации (от нескольких волонтеров до небольшого штата сотрудников) и формат общения. Иницилируя выставки и фестивали, проводя экскурсии, общаясь с различными публиками, разясняя в интервью причины тех или иных ситуаций, берлинские посредники поддерживают и укрепляют уличную культуру, способствуют выводу ее из зоны конфликта (и тем более преследования по закону) в область публичной дискуссии. Перевод, который они осуществляют, ориентирован на самые разные группы горожан, и эта деятельность по переводу в основном встречается горожанами и туристами с благодарностью. Интервью с информантами из среды «коммуникативных посредников» позволили нам также заметить важность фактора личной вовлеченности, персонального опыта и предпочтений участников этих практик для успеха в подобной деятельности. Нам стало очевидно, что такое посредничество, связанное с практиками уличной коммуникации, невозможно, да и нецелесообразно описывать только в жестких терминах индустрий или устойчивых структур. Мы обратили также внимание на то, что очень часто в роли посредников – создателей экскурсий, инициаторов образовательных программ, организаторов воркшопов – в Берлине выступают люди, приехавшие из других городов и стран. Их прежний опыт, контрастирующий с берлинскими реалиями, помогает остраивать городскую жизнь, превращая повседневное и незамечаемое в притягательно интересное.

В заключение мы подчеркиваем, что изучение одного из самых насыщенных уличными изображениями современных городов позволило нам увидеть, что стрит-арт не «висит в безвоздушном пространстве»; это всего лишь один из возможных способов разговора в городской среде, находящийся в динамичных отношениях со всеми другими голосами на уличных стенах – или, как в случае некоторых городов, оказывающийся в зоне красноречивого молчания, изменяющей также его возможности и задачи. Мы попытались показать, насколько берлинская «насыщенность» осмысленна и функциональна; какой большой вклад в нее вносит уникальная история Берлина, особенности его городского развития, специфика всей визуальной коммуникации в его городской среде, исторически сложившиеся практики поведения его жителей и личный вклад каждого из увлеченных городских посредников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bernt, Matthias and Andrej Holm. 2005. "Exploring the Substance and Style of Gentrification: Berlin's 'Prenzlberg'." Pp. 107–122 in *Gentrification in a Global Context: The New Urban Colonialism*, edited by Rowland Atkinson and Gary Bridge. Abingdon, UK: Routledge.
- Kuzdas, Heinz J. 2009. *Berliner Mauer Kunst: Mit East Side Gallery*. Berlin: Espresso.